

## ВЗРОСЛАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПРИ СУИЦИДАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ

К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов, С.Э. Дровосеков

ГБУЗ «ГКБ им. А.К. Ерамишанцева» Департамента Здравоохранения Москвы, г. Москва, Россия

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», г. Москва, Россия

МОУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», г. Всеволожск, Россия

### ADULT ROMANTIC ATTACHMENT IN YOUNG PEOPLE IN SUICIDAL AND NON-SUICIDAL STATES

*K.A. Chistopolskaya,*

*S.N. Enikolopov, S.E. Drovosekov*

*Eramishantsev Moscow City Clinical Hospital, Moscow, Russia*

*Mental Health Research Centre, Moscow, Russia*

*Center of psychological, pedagogical, medical help, Vsevolozhsk, Russia*

#### Информация об авторах:

Чистопольская Ксения Анатольевна – клинический психолог (SPIN-код: 3641-3550; Researcher ID: F-4213-2014; ORCID iD: 0000-0003-2552-5009). Место работы и должность: медицинский психолог Психиатрического отделения №2 ГБУЗ «ГКБ им. А.К. Ерамишанцева» ДЗМ. Адрес: Россия, 129327, г. Москва, ул. Ленская, 15. Электронный адрес: ktchist@gmail.com

Ениколопов Сергей Николаевич – кандидат психологических наук, профессор (SPIN-код: 6911-9855; Researcher ID: C-2922-2016; ORCID iD: 0000-0002-7899-424X). Место работы и должность: заведующий отделом клинической психологии ФГБНУ «Научный центр психического здоровья». Адрес: Россия, 115522, г. Москва, Каширское шоссе, 34. Электронный адрес: enikolopov@mail.ru

Дровосеков Сергей Эдуардович – психолог (SPIN-код: 2723-2966; Researcher ID: AAG-8704-2020; ORCID iD: 0000-0002-6739-4804). Место работы и должность: педагог-психолог МОУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи». Адрес: Россия, 188645, Ленинградская область, г. Всеволожск, ул. Центральная, 8. Электронный адрес: sergo.nevsky@yandex.ru

#### Information about the authors:

Chistopolskaya Ksenia A. – clinical psychologist (Researcher ID: F-4213-2014; ORCID iD: 0000-0003-2552-5009). Place of work and position: clinical psychologist Eramishantsev Moscow City Clinical Hospital. Address: Russia, 129327, Moscow, Lenskaya st., 15. Email: ktchist@gmail.com

Enikolopov Sergey N. – PhD in Clinical Psychology, Professor (Researcher ID: C-2922-2016; ORCID iD: 0000-0002-7899-424X). Place of work and position: head of clinical psychology department, Mental Health Research Centre. Address: Russia, 115522, Moscow, Kashirskoe highway, 34. Email: enikolopov@mail.ru

Drovosekov Sergei E. – psychologist (Researcher ID: AAG-8704-2020; ORCID iD: 0000-0002-6739-4804). Place of work and position: pedagogue-psychologist, Center of psychological, pedagogical, medical and social help. Address: Russia, 188645, Leningrad Region, Vsevolozhsk, Centralnaya st., 8. Email: sergo.nevsky@yandex.ru

Взрослая романтическая привязанность является развитием детско-родительской системы привязанности и вносит важный вклад в переживание человеком психологического благополучия. Напротив, нарушение системы привязанности как в детском, так и во взрослом возрасте может стать фактором уязвимости и способствовать развитию суицидальных тенденций. Цель исследования: проверка конструктивной валидности Краткой версии «Переработанного опросника – Опыт близких отношений» на выборке нормы и сравнение нормативной и суицидальной выборок с целью уточнения проблемных элементов системы привязанности. Участники: Контрольная группа: студенты, 144 человека от 17 до 36 лет ( $M=20,11$ ,  $SD=2,82$ ), 112 женщин, 32 мужчины. Группа сравнения: 110 суицидальных пациентов в возрасте от 16 до 25 лет ( $M=20,32$ ,  $SD=2,37$ ), 80 женщин, 30 мужчин. Методики: Контрольная группа, помимо опросника на привязанность, заполняла шкалу самооценки Розенберга, Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) и Опросник субъективного отчуждения для учащихся. Группа сравнения заполняла шкалу «Сочувствие к себе», «Многомерную шкалу восприятия социальной поддержки», шкалы «Позитивное прошлое» и «Негативное прошлое» Опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо, а также «Почти совершенную шкалу» и «Шкалу душевной боли». Результаты: В контрольной выборке обнаружались значимые связи между тревожностью в привязанности, самооценкой и отчуждением, что выразилось как в частичных корреляциях ( $r=-0,44$ ,  $p<0,001$  – самооценка,  $r=0,43$ ,  $p<0,001$  – общее отчуждение), так и в моделях медиации. Избегание в привязанности коррелировало с переживанием одиночества ( $r=0,26$ ,  $p<0,01$ ) и, в меньшей степени, с отчуждением ( $r=0,22$ ,  $p<0,01$ ). В группе

сравнения был выявлен более высокий уровень тревожности во взрослой романтической привязанности ( $t(252) = -6,115, p < 0,001, CI (-1,36; -0,70), d Коэна = 0,767$ ). Однако анализ корреляций в группе суицидентов показал, что и тревожный, и избегающий стиль демонстрируют значимые связи с защитными факторами и факторами риска. Тревожный стиль был связан с негативной эмоциональностью (шкалы «Изоляция» и «Чрезмерная идентификация»,  $r=0,25, p < 0,01$ ) и шкалой «Негативного прошлого» ( $r=0,37, p < 0,001$ ). Избегающий стиль коррелировал с «Восприятием поддержки от значимого другого» ( $r= -0,23, p < 0,05$ ) и «Душевной болью» ( $r=0,28, p < 0,01$ ). Выводы: Была подтверждена конструктивная валидность исследуемого опросника и показано, что тревожность в романтической привязанности у молодых людей проявляется вследствие негативной модели себя (низкой самооценки), которая сказывается на отчуждении в разных сферах жизни. Как и ожидалось, избегание в привязанности выражается в менее ярком проявлении психологического неблагополучия, которое предположительно вызвано негативной моделью других. У суицидальных пациентов тревожность в привязанности была выражена сильнее и коррелировала с негативной эмоциональностью, однако избегание также было связано с факторами суицидального риска. Это позволяет нам выделить два стиля суицидальности, которые основываются на недовольстве собой (тревожный) и окружающими (избегающий).

*Ключевые слова:* привязанность, тревожный стиль, избегающий стиль, самооценка, одиночество, отчуждение, суицидальность

Взрослая романтическая привязанность является развитием детско-родительской системы привязанности и вносит важный вклад в переживание человеком психологического благополучия. Предполагается, что романтические отношения привязанности во взрослом возрасте постепенно становятся ведущими, и это особая связь, которая не исчерпывается сексуальным притяжением, общими интересами, совместным родительством [1, 2]. Если фигура привязанности отвечает на запросы лишь время от времени и эти ответы нестабильны, может закрепиться тревожный стиль привязанности, когда человек всеми силами старается добиться внимания (гиперактивация системы привязанности), если же фигура привязанности постоянно недоступна, в паре закрепляется избегающий стиль привязанности, основанный на деактивации системы. Исследования показали, что люди, привыкшие к частой гиперактивации системы привязанности, отличаются низкой связностью и согласованностью структуры «Я», заниженной самооценкой, а те, кто вынужден привычно деактивировать систему привязанности, склонны к болезненному нарциссизму, «компульсивному самополаганию» [1]. Кроме того, тревожный и избегающий стили описываются через рабочую «модель себя» (позитивная «модель себя» проявляется через отсутствие тревожности, негативная – через её наличие) и «модель других» (позитивная «модель других» характеризуется отсутствием избегания, негативная – его наличием) [3].

Современные зарубежные исследования привязанности у взрослых показывают важность учёта данного конструкта в работе с суицидальными пациентами. Существует массив данных, свидетельствующих о защитном эффекте надёжной привязанности и позитивного опыта взрослых отношений в преодолении суицидального риска [4-6]. Более того, отмечается роль раннего детского негативного и травматического опыта в развитии ненадёжной взрослой привязанности, которая становится фактором уязвимости для суицидального

Adult romantic attachment is a development of the child-parent attachment system, which makes an important input in experience of psychological well-being. The literature supposes that romantic attachment relationship in adulthood gradually becomes a leading attachment relationship, and it is a special bond, which is not limited by sexual attraction, common interests, and parenting [1, 2]. If an attachment figure responds only from time to time and these responses are inconsistent, an anxious style of attachment may be established in a person, when an individual seeks attention by all means (hyperactivation of attachment system); when an attachment figure is constantly unavailable, avoidant style is established in a couple, which is based on deactivation of attachment system. Studies show that people, accustomed to the frequent hyperactivation of their attachment system, are marked by low self-coherence and self-consistency, low self-esteem, while those who are forced to habitually deactivate attachment system, are prone to malignant narcissism, “compulsive self-reliance” [1]. Moreover, anxious and avoidant styles are described through the working “model of the self” (positive “model of the self” is manifested through the lack of anxiety, while negative model is seen in the presence of anxiety), and “model of the others” (positive “model of the others” is characterized by the lack of avoidance, while negative model is marked by its presence) [3].

Contemporary international research on adult attachment shows the importance of this construct in work with suicidal patients. A plethora of data exists, which indicates the protective effect of secure attachment and positive experience of adult relationships in coping with suicidal risk [4-6]. Moreover, the role of early negative and traumatic childhood experience in development of insecure adult

поведения посредством формирования негативных моделей себя (в тревожном стиле) и значимых близких (в избегающем) [1]. Было даже высказано предположение, что тяжелый суицидальный кризис можно назвать острым «кризисом привязанности», который схож с детским ответом на сепарацию [7].

К. Адам связывает внутренние репрезентации (модели себя и других) с трудностями регуляции эмоций, низким чувством самооценности, ослабленной способностью поддерживать отношения, что влияет на общую жизнестойкость и общение с близкими [7]. Также людям с ненадёжной привязанностью свойственна более негативная интерпретация жизненных событий, поиск негативной информации о себе, склонность полагаться на нестабильные и внешние источники самооценности, болезненная самокритика и перфекционизм [1].

Было высказано предположение, что тревожность и избегание в привязанности должны быть связаны с конструктом сочувствия к себе – относительно новым понятием в психологии и суицидологии – поскольку сочувствию к себе люди учатся в отношениях привязанности [6, 8]. В соответствии с интегративной мотивационно-волевой теорией суицидального поведения [9], было показано, что люди с повышенным уровнем тревожности и избегания в привязанности более склонны к переживанию собственного поражения и западни, которые, в свою очередь, провоцируют суицидальные мысли [10]. Обзор шестнадцати исследований показал, что, хотя они были проведены в рамках разных теоретических подходов и использовали разные способы оценки привязанности, их результаты укладываются в интегративную мотивационно-волевую модель суицидального поведения, и привязанность оказывается важна на всех трёх стадиях развития суицидального процесса [4]. Связь между ненадёжной привязанностью и суицидальными проявлениями опосредовалась такими predispositional факторами как повышенная самокритика, сниженный самоконтроль, дезадаптивные схемы, низкий уровень самораскрытия, межличностная сензитивность, агрессия и недостаток общительности. Стили привязанности также опосредовались факторами, предшествующими суициду: одиночеством и переживанием аномии. Привязанность играла роль и в собственно остром суицидальном кризисе: её связь с суицидальным поведением опосредовалась пресуицидальным синдромом [11, 12] и переживанием западни.

В исследовании на неклинической студенческой выборке тревожный стиль привязанности оказался задействован в процессе нарушения буфера тревоги смерти: два эксперимента показали, что именно тревожный (но не избегающий) стиль привязанности, взаимодействуя с угрозой картине мира, приводил к

attachment is established, which becomes the vulnerability factor for suicidal behavior through forming the negative models of the self (for anxious style) and the significant others (for avoidant style) [1]. It was also hypothesized that a severe suicidal crisis can be called an acute “attachment crisis”, which is similar to a childhood response to separation [7].

K. Adam links inner representations (models of the self and the others) to difficulties of emotional regulation, to low sense of self-worth, to the weakened ability to maintain relationships, which impacts general resilience and interaction with the close others [7]. More negative interpretation of life events, a search for negative information about the self, a tendency to rely on unstable and extrinsic sources of self-worth, painful self-criticism and perfectionism are also more characteristic of people with insecure attachment styles [1].

It was hypothesized that anxious and avoidant attachment should be linked to the construct of self-compassion, a relatively new concept in psychology and suicidology, as people are taught self-compassion in attachment relationships [6, 8]. According to the Integrative Motivational-Volitional Theory of suicidal behavior [9], it was shown that people with higher level of anxious and avoidant attachment are more prone to experience defeat and entrapment, which, in their turn, provoke suicidal thoughts [10]. The review of sixteen studies showed that, though they were conducted in different theoretical frameworks and used different methods to measure attachment styles, their results are consistent with the Integrative Motivational-Volitional model of suicidal behavior, and attachment plays an important role in all three stages of suicidal process [4]. A link between insecure attachment and suicidal manifestations was mediated by such predisposition factors as severe self-criticism, low self-control, maladaptive schemes, low level of self-disclosure, interpersonal sensitivity, aggression and lack of sociability. Attachment styles were also mediated by the factors, which preceded suicide: loneliness and experience of anomie. Attachment took part in acute suicidal crisis as well: its link with suicidal behavior was mediated by a presuicidal syndrome [11, 12] and entrapment.

In a study on a non-clinical student sample, anxious style of attachment was involved in the process of disruption of the death anxiety buffer: two experiments showed that it is anxious (but not avoidant) style of attachment, which interacts with the worldview threat and leads to the increase in death-thought accessi-

повышению доступности мыслей о смерти и депрессивным переживаниям [13]. Авторы связывают этот эффект с тем фактом, что тревожный стиль привязанности во многих культурах устойчиво коррелирует с низкой самооценкой [14], а самооценка, надёжная привязанность и картина мира составляют триаду защитного буфера тревоги смерти в соответствии с теорией управления страхом смерти [15, 16].

Стиль привязанности играет роль в психотерапевтическом альянсе и сотрудничестве пациента в терапии [17]. Также стиль привязанности связан и с использованием психиатрических служб в целом (поиском лечения, участием в нем и не преждевременным завершением). Предсказуемо, тревожный стиль привязанности больше связан с вовлечённостью в психиатрическую помощь, чем избегающий, хотя во втором случае данных о своевременном завершении лечения мало и они противоречивы [18]. Тревожные в привязанности люди не только чаще меняют специалистов, но и принимают больше лекарств [19]. Более того, пациенты часто склонны, с одной стороны, искать более близкого контакта с лечащим специалистом, а с другой – оценивать этот опыт как отталкивающий [20], что соответствует робкому типу привязанности (с одновременно повышенными тревожностью и избеганием, с недостатком доверия и к себе, и к окружающим). В целом, исследователи заключают, что необходимо дифференцированно подходить к пациентам с разными стилями привязанности, балансировать их потребность в помощи, например, предлагать помощь с разным уровнем близости и самораскрытия (онлайн-терапию, индивидуальную, групповую), перезванивать и уточнять, почему люди пропустили встречу.

В отечественных исследованиях сложилась традиция пристального изучения детско-родительских отношений [21], романтическая привязанность взрослых молодых людей исследуется преимущественно в рамках возрастной и семейной психологии [22, 23], но не уделяется внимание тому, как привязанность связана с негативными переживаниями (к примеру, с одиночеством и отчуждением), а также какую роль она играет в суицидальной ситуации. В этом смысле, ближайшим к привязанности конструктом, изучаемым в суицидологии, является переживание одиночества [24].

#### *Исследование*

#### *Цели и гипотезы.*

Привязанность обычно исследуется разными способами, как с помощью различных интервью и феноменологического анализа, так и опросниковыми методами. Для нашего исследования мы выбрали адаптированный нами опросник как достаточно надёжный, валидный и нетрудоемкий для опрашиваемого [2]. Целями исследования являлись проверка конструк-

tivity and depressive feelings [13]. The authors explain it by the fact that in many cultures, anxious style of attachment has a strong correlation with low self-esteem [14], and self-esteem, secure attachment and worldview is a triad of the death anxiety buffer defense, according to the Terror Management Theory [15, 16].

Attachment style plays an important role in psychotherapeutic alliance and compliance of a patient in therapy [17]. Attachment style is also involved in the usage of mental health services in general (search of treatment, participation in treatment and (non-)timely termination). Predictably, anxious style of attachment is more related to engagement with mental health services, than the avoidant one, though on the latter the data of timely termination of treatment is sparse and inconsistent [18]. People with anxious attachment not only change specialists more often, they also take more medicines [19]. Moreover, patient are often prone, on the one hand, to search for a closer contact with the counselor / doctor, and on the other hand, to evaluate this experience as appalling [20], which corresponds to a fearful type of attachment (with simultaneously increased anxiety and avoidance, with the lack of trust in self and others). In general, the researchers conclude that it is important to treat patients with different styles of attachment differently, to respond to their need for help, and to offer help with various levels of proximity and self-disclosure (online therapy, individual or group therapy), to call them back and inquire why they missed an appointment.

In Russian psychological research, there is a tradition for a detailed study of child-parent relationships [21], and adult romantic attachment in young people is studied mostly in the framework of developmental and family psychology [22, 23], while less attention is given to the problem of how attachment is linked to negative experiences (for example, of loneliness and alienation), and no questions are posed on which role it plays in a suicidal situation. In this sense, the closest construct studied in the Russian suicidology is the feeling of loneliness [24].

#### *The study*

#### *Objectives and hypotheses*

Attachment is studied by many means, both with the help of various interviews and phenomenological analysis, and the questionnaires. In our study, we've chosen a scale, which was previously adapted by our research group and is sufficiently reliable, valid and non-laborious for respondents [2]. The objectives of the study were testing the construct

ной валидности опросника (взаимодействие его шкал с конструктами самооценки, одиночества и отчуждения), а также сравнение нормативной и суицидальной выборок с целью уточнения проблемных элементов привязанности. Кроме того, мы планировали проверить на суицидологической выборке взаимодействие шкал опросника привязанности с другими конструктами, важными для суицидальных пациентов (душевная боль, перфекционизм, отношение к прошлому, восприятие поддержки близких, сочувствие к себе).

Гипотеза исследования: предполагалось, что тревожные проявления привязанности будут связаны с большими проявлениями психологического неблагополучия (сниженной самооценкой, одиночеством и отчуждением). Избегание в привязанности окажется потенциально менее остро проблематичным, поскольку, как выражаются авторы концепции взрослой романтической привязанности, этому стилю свойственно «компульсивное самополагание» [1]: люди, склонные к избеганию в привязанности, учатся больше полагаться на себя и быть независимыми, однако это не избавляет их полностью от негативных переживаний. Относительно суицидальных пациентов, мы предположили, что, в сравнении с контрольной выборкой, у них будут повышены оба показателя ненадёжной привязанности: как тревожность, так и избегание. Мы также предположили разную структуру связей для пациентов с преобладанием тревожных и избегающих проявлений привязанности: большую отчуждённость от близких и перфекционизм людей с преобладанием избегания, большую негативную эмоциональность людей с преобладанием тревожности.

#### *Описание выборки*

В контрольном исследовании участвовали студенты и аспиранты Кировского ВУЗа, которые заполняли опросники в личное время, добровольно. Всего приняло участие 144 человека от 17 до 36 лет ( $M=20,11$ ,  $SD=2,82$ ), 112 женщин, 32 мужчины.

Группа сравнения представляла собой 110 пациентов Психиатрического отделения № 2 (Кризисного) ГКБ им. А.К. Ерамишанцева, в возрасте от 16 до 25 лет ( $M=20,32$ ,  $SD=2,37$ , 80 женщин, 30 мужчин), у которых наблюдались суицидальные мысли или попытки суицида. Исследование было добровольным, входило в диагностическую процедуру в первые дни поступления.

Несуицидальные самоповреждения (НСП) практиковал 71 человек (64,5%). Без суицидальных попыток было 59 человек (53,6%), 1 попытка была у 33 человек, у 18 человек их было несколько. Острый постсуицид (меньше месяца после попытки) наблюдался у 26 человек (23,6%). Большинство пациентов имели высшее или неоконченное высшее образование – 66 человек

validity of the questionnaire (interaction of its scales with the constructs of self-esteem, loneliness and alienation), and comparison of normative and suicidal samples to specify the problematic elements of attachment. Besides, we planned to explore in the suicidal sample the interaction of the attachment subscales with other constructs, relevant for suicidal patients (psychache, perfectionism, attitudes towards past, perceived social support, self-compassion).

Concerning the study hypotheses, it was supposed that anxious attachment will be linked to more prominent manifestations of psychological ill-being (low self-esteem, loneliness and alienation). Avoidant attachment will be potentially less problematic, because, as the authors of the adult romantic attachment theory state, this style is described by “compulsive self-reliance” [1]: people, who are prone to avoidant attachment, learn to rely on themselves more and be independent, but this strategy does not save them from negative feelings. Concerning suicidal patients, we’ve supposed that, in comparison with the control group, both indices of insecure attachment – anxiety and avoidance – will be heightened in them. We’ve also supposed different correlation patterns for patients with the predominant anxious and avoidant attachment: higher alienation from the close others and perfectionism in avoidant people, and higher negative emotionality in anxious people.

#### *Samples*

The control sample was comprised of graduate and postgraduate students from a Kirov university, who filled in the questionnaires in their free time, voluntarily. One hundred forty four people from 17 to 36 ( $M=20.11$ ,  $SD=2.82$ ) took part in the survey, 112 women, 32 men.

The comparison sample consisted of 110 patients of the Psychiatric (Crisis) Department of Eramishantsev Moscow Clinical Hospital, aged 16-25 ( $M=20.32$ ,  $SD=2.37$ ), 80 women, 30 men, who experienced suicidal thoughts or had a history of suicidal attempts. The participation was voluntary and was part of the diagnostic procedure in the first days of admission.

Non-suicidal self-injuries (NSSI) were practiced by 71 patients (64.5%). No history of suicide attempts had 59 people (53.6%), 33 people had one suicide attempt, and 18 people had several suicide attempts. Twenty six people (23.6%) were in acute postsuicidal state (less than a month from the last attempt). The majority of patients received higher education or was in the process of receiving one – 66 people (60%), the majority was studying or

(60%), большинство учились и/или работали – 77 человек (70%). У многих пациентов было диагностировано расстройство настроения ( $n=48$ , 43,6%) или расстройство личности ( $n=38$ , 34,5%), у остальных наблюдалось расстройство шизофренического спектра ( $n=10$ ) или ситуационная реакция ( $n=14$ ).

#### Методики

Контрольная выборка заполняла 4 опросника:

1. Шкала самооценки Розенберга [25, адаптация 26] состоит из 10 пунктов, оценивающихся по 4-балльной шкале Ликерта от «абсолютно не согласен» до «полностью согласен» и измеряет уровень самоуважения.

2. Краткая версия «Переработанного опросника – Опыт близких отношений» [27, адаптация 2]. Опросник состоит из 14 утверждений, 2 шкал: тревожность и избегание, и оценивает преобладание данных переживаний в близких отношениях (с любимым человеком или близким другом), пункты оцениваются по шкале Ликерта от 1 (совершенно неверно) до 7 (совершенно верно).

3. Дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 [28] состоит из 40 утверждений, сгруппированных в три шкалы, которые измеряют переживание одиночества и два аспекта отношения к нему: позитивное одиночество и зависимость от общения. В свою очередь, эти три шкалы делятся на субшкалы. Общее одиночество состоит из субшкал изоляции, самоощущения одиночества и отчуждения; зависимость от общения – из дисфории, ощущения одиночества как проблемы и потребности в компании; позитивное одиночество – из восприятия уединения как радости и как ресурса. Утверждения оцениваются по 4-балльной шкале Ликерта от «не согласен» до «согласен».

4. Опросник субъективного отчуждения для учащихся [29] разработан как аналог теста отчуждения С. Мадди [30] и включает 60 утверждений, которые оцениваются по 5-балльной шкале Ликерта от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен». Опросник оценивает пять сфер жизни, в которых можно испытывать отчуждение (общество, учеба, отношения, семья, собственная личность). Также выделены четыре формы отчуждения: вегетативность – неспособность поверить в истинность, важность или ценность своей деятельности; бессилие – неверие в свою способность влиять на жизненные ситуации при сохранении ощущения их важности; нигилизм – убеждение в отсутствии смысла и утверждение своей деструктивной позиции; авантюризм – увлеченность опасными, экстремальными видами деятельности, в силу переживания бессмысленности в повседневности.

В суицидологической выборке, помимо опросника на привязанность, использовались следующие шкалы:

employed – 77 people (70%). The majority was diagnosed with a mood disorder ( $n=48$ , 43.6%) or a personality disorder ( $n=38$ , 34.5%), others were diagnosed with a schizophrenic spectrum disorder (10 people) or a situational reaction ( $n=14$ ).

#### The inventory

The control sample filled in 4 questionnaires:

1. Rosenberg's Self-Esteem Scale [25, adaptation 26], which consists of 10 items evaluated on a 4-point Likert scale from "absolutely disagree" to "absolutely agree" and measures the level of self-respect.

2. Experience in Close Relationships – Revised, Short Form (ECR-R SF) [27, adaptation 2]. The questionnaire consists of 14 items, 2 scales: anxiety and avoidance, and evaluates the prevalence of these experiences in close relationships (with a loved one or a close friend), the items are evaluated on a Likert scale from 1 (absolutely untrue) to 7 (absolutely true).

3. Multidimensional Inventory of Loneliness Experience – 3 [28] consists of 40 items, grouped in 3 scales, which measure the experience of General Loneliness and the two aspects of attitude towards loneliness: Positive Loneliness and Dependency on Interactions. In their turn, these three scales are divided into subscales. General Loneliness consists of Isolation, Sense of Loneliness and Alienation subscales; Dependency on Interactions consists of Disphoria, Loneliness as a Problem and Need for Company; Positive Loneliness consists of Solitude as Joy and Solitude as a Resource. The items are evaluated on a 4-point Likert scale from ("disagree" to "agree").

4. Subjective Alienation Questionnaire for Students [29] was composed as an analogue to an Alienation Test by S. Maddi [30] and consists of 60 items, which are evaluated on a 5-point Likert scale from "absolutely disagree" to "absolutely agree". The questionnaire evaluates 5 spheres of life, where an individual can experience alienation (society, study, relationships, family, own personality). Also, four forms of alienation is determined: Vegetativeness – inability to believe in the validity, importance and worth of one's own activity; Powerlessness – disbelief in own ability to influence a life situation, while the sense of its importance persists; Nihilism – a belief in the absence of meaning and the statement of own destructive position; Adventurousness – a passion for dangerous, extreme activities because of the sense of meaninglessness in ordinary life.

1. Многомерная шкала восприятия социальной поддержки (Multidimensional Scale of Perceived Social Support) [31, адаптация 32]. Шкала содержит 12 утверждений и оценивает восприятие наличия и эффективности социальной поддержки по 3 шкалам: поддержка семьи, друзей, значимого близкого. Пункты оцениваются по шкале Ликерта от 1 (совершенно не согласен) до 7 (полностью согласен).

2. Опросник «Сочувствие к себе» (Self-Compassion Scale) [33, адаптация 8]. Опросник состоит из 6 шкал, 26 пунктов, оцениваемых по шкале Ликерта от 1 (почти никогда) до 5 (почти всегда), которые озаглавлены «Как я отношусь к себе в трудные времена». Шкалы: доброта к себе, самокритика, общность с человечеством, самоизоляция, внимательность, чрезмерная идентификация.

3. Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory) [34 адаптация 35], использовались шкалы «Позитивного прошлого» (9 пунктов) и «Негативного прошлого» (11 пунктов), которые оценивались по шкале Ликерта от 1 (совершенно неверно) до 5 (совершенно верно).

4. «Почти совершенная шкала» (Almost Perfect Scale) [36, адаптация 37], короткий вариант. Состоит из 36 пунктов и 2 шкал: адаптивный и дезадаптивный перфекционизм; пункты оцениваются по шкале Ликерта от -3 (совершенно неверно) до 3 (совершенно верно).

5. Шкала душевной боли (The Psychache Scale) [38, адаптация 39]. Шкала разработана на основе концепции душевной боли Э. Шнейдмана [40]. Опросник содержит 13 утверждений, 9 оценивают наличие и характеристику душевной боли, а 4 – ее интенсивность. Оценивание происходит по пятибалльной шкале Ликерта: чем выше балл, тем сильнее душевная боль.

Обработка результатов проводилась в программе SPSS 20.0 с применением таблиц сопряженности, описательной статистики, анализа средних (t-тест Стьюдента для независимых выборок), парных и частичных корреляций, а также регрессионного и медиационного анализа.

#### Результаты

##### *Анализ нормативной выборки*

Анализ средних по шкалам показал, что выборка нормативна, и ответы находятся в рамках одного стандартного отклонения от опубликованных норм [28, 29]. Единственное, оказалось, что этой выборке в целом чуть больше свойственна тревожность в привязанности, чем избегание, в то время как в предыдущей, большей выборке у нас наблюдалась обратная ситуация [2]. Значимых различий между мужчинами и женщинами выявлено не было: для шкалы «тревожности»  $t(142) = -0,346$ ,  $p=0,730$ , CI (-0,58; 0,41), для шкалы «избегания»  $t(142) = -0,347$ ,  $p=0,729$ , CI (-0,50; 0,35).

In the comparison sample, apart from the ECR-R SF, the following scales were used:

1. Multidimensional Scale of Perceived Social Support [31, adaptation 32]. The scale consists of 12 items and measures the perception of presence and effectiveness of social support with 3 subscales – support by family, friends and a significant other. The items are evaluated on the Likert scale from 1 (absolutely disagree) to 7 (absolutely agree).

2. Self-Compassion Scale [33, adaptation 8]. The questionnaire consists of 6 subscales, 26 items, evaluated on a Likert scale from 1 (almost never) to 5 (almost always), which are titled “How I typically act towards myself in difficult times”. The subscales are: Self-Kindness, Self-Criticism, Common Humanity, Self-Isolation, Mindfulness, Over - Identification.

3. Zimbardo Time-Perspective Inventory [34, adaptation 35], the Past Positive (9 items) and Past Negative (11 items) subscales were used, which were evaluated by a Likert scale from 1 (absolutely untrue) to 5 (absolutely true).

4. Almost Perfect Scale [36, adaptation 37], Short Form. It consists of 36 items and 2 subscales – Adaptive and Maladaptive Perfectionism; items are evaluated on a Likert scale from - 3 (absolutely untrue) to 3 (absolutely true).

5. The Psychache Scale [38, adaptation 39], was composed on the basis of the psychache concept by E. Shneidman [40]. The scale consists of 13 items, 9 of them measure the presence and properties of psychache, and 4 items measure its intensity. The evaluation is based on a 5-point Likert scale – the higher the score, the greater the psychache.

The data processing was performed in SPSS 20.0: crosstabs, descriptive statistics, analysis of means (Student t-test for independent samples), pair and partial correlations, regression and mediation analyses.

#### The results

##### *Analysis of the control sample*

The descriptive statistics showed that the sample is normative, and the answers are in the range of one standard deviation from the published norms [28; 29]. This sample occurred to be more prone to anxious, than to avoidant attachment, while in the previous larger sample we had the opposite situation [2]. We didn't find any significant gender differences: for the anxious attachment subscale,  $t(142) = -0,346$ ,  $p = .730$ , CI (-.58; .41), for the avoidant attachment subscale,  $t(142) = -0,347$ ,  $p = .729$ , CI (-.50; .35).

Таблица / Table 1

Парные и частичные корреляции шкал Краткой версии «Переработанного опросника – Опыт близких отношений» со шкалами, измеряющими уровень самооценки, переживания одиночества и отчуждения, контрольная выборка (n=144)

Pair and partial correlations between the Experience in Close Relationships – Revised, Short Form, and the scales that measure the level of self-esteem, experience of loneliness and alienation, control sample (n=144)

Показатель Indicator	Тревожность Anxious Attachment	Частичная корреляция Тревожность Partial correlation, Anxious Attachment	Избегание Avoidant Attachment	Частичная корреляция Избегание / Partial correlation, Avoi- dant Attachment	M±SD
Самооценка Self-Esteem	-0,54***	-0,44***	-0,36***	-0,09	3,00±0,48
Изоляция Isolation	0,25**	0,08	0,34***	0,25**	8,40±2,84
Самоощущение Sense of Loneliness	0,28**	0,13	0,33***	0,21*	9,52±3,31
Отчуждение Alienation	0,28**	0,13	0,32***	0,21*	10,25±3,18
Общее одиночество General Loneliness	0,31***	0,14	0,38***	0,26**	28,17±8,00
Дисфория одиночества Loneliness Dysphoria	-0,01	-0,12	0,16†	0,20*	9,74±3,13
Одиночество как проблема Loneliness as a Problem	-0,06	-0,06	-0,01	0,03	12,29±2,95
Потребность в компании Need for Company	-0,10	-0,10	-0,02	0,04	12,12±3,38
Зависимость от общения Dependency on Interactions	-0,07	-0,11	0,05	0,11	34,15±7,94
Радость уединения Joy of Solitude	0,12	0,15	0,01	-0,08	11,92±2,82
Ресурс уединения Solitude as a Resource	0,17*	0,16†	0,06	-0,03	18,17±3,60
Позитивное одиночество Positive Loneliness	0,16†	0,17*	0,04	-0,06	30,09±5,89
Вегетативность Vegetativeness	0,58***	0,44***	0,47***	0,22**	36,09±9,68
Бессилие Powerlessness	0,53***	0,40***	0,41***	0,18*	48,06±10,53
Нигилизм Nihilism	0,52***	0,39***	0,41***	0,18*	38,99±9,30
Авантюризм Adventurousness	0,35***	0,23**	0,31***	0,15	31,70±6,92
Общество Society	0,33***	0,19*	0,33***	0,19*	37,11±8,64
Учёба Study	0,36***	0,27**	0,26**	0,09	29,82±8,63
Отношения Relationships	0,54***	0,39***	0,46***	0,23**	30,92±7,11
Семья Family	0,46***	0,33***	0,37***	0,15	35,27±9,93
Собственная личность Personality	0,56***	0,43***	0,42***	0,16†	21,64±7,57
Общее отчуждение General Alienation	0,57***	0,43***	0,46***	0,22**	154,76±32,43
M±SD	3,25±1,25		2,96±1,06		

Примечание / Note: \*\*\* p<0,001, \*\* p<0,01, \* p< ,05, †<0,09

Поскольку переменные «тревожность» и «избегание» высоко коррелируют между собой ( $r=0,55$ ,  $p<0,001$ ), мы подсчитали частичные корреляции для обеих переменных. Частичная корреляция – это метод, сходный с регрессионным анализом, при котором корреляции между двумя переменными (например, «тревожность» и «самооценка»), подсчитываются с учётом влияния третьей переменной (например, «избегания»).

Так, мы видим, что после применения метода частичной корреляции связи «тревожности» и «избегания» с другими переменными заостряются, дифференцируются. Например, корреляция показателей «тревожности» и «самооценки» после контроля «избегания» остается высокой, а корреляция «избегания» и «самооценки» после контроля переменной «тревожности» исчезает. Это можно понять, принимая во внимание опыт предыдущих исследований: тревожность в привязанности проистекает преимущественно из негативного образа себя, а избегание – из негативного образа другого [1, 3].

«Избегание» в привязанности после контроля «тревожности» оказывается связано с показателем «общего ощущения одиночества», а также с «дисфорией одиночества» – то есть избегающие индивиды всё же значимо тяготеют недостатком общения и доверия. «Тревожные» люди, напротив, скорее, не испытывают одиночества, и оно даже может принести им облегчение (пограничная корреляция с переменной «уединение как ресурс» и «позитивное одиночество»).

В то же время, люди с «избегающими проявлениями» романтической привязанности гораздо меньше склонны переживать отчуждение от деятельности и общения. По сравнению с их профилем, люди с «тревожными проявлениями» привязанности переживают целую бурю негативных чувств по отношению к самым разным сферам жизни, им свойственны все виды отчуждения: они не видят смысла в отношениях и деятельности (вегетативность), не верят в возможность влиять на важные для них ситуации (бессилие), деструктивны в своих установках (нигилизм) и стремятся искать острые ощущения в риске (авантюризм).

Мы предположили далее, что в общее переживание отчуждения, а также в отчуждение от собственной личности и в романтических отношениях, в переживание вегетативности и бессилия вносит вклад низкая самооценка, которая частично или полностью опосредуется тревожными проявлениями привязанности. Когда человеку кажется, что он недостаточно хорош, это способствует его неуверенности в близких отношениях, что в свою очередь ведёт к отчуждению от деятельности и общения. Мы проверили соответствующие модели медиации, проконтролировав взаимодействия переменными пола и избегания (Фиг. 1–5).

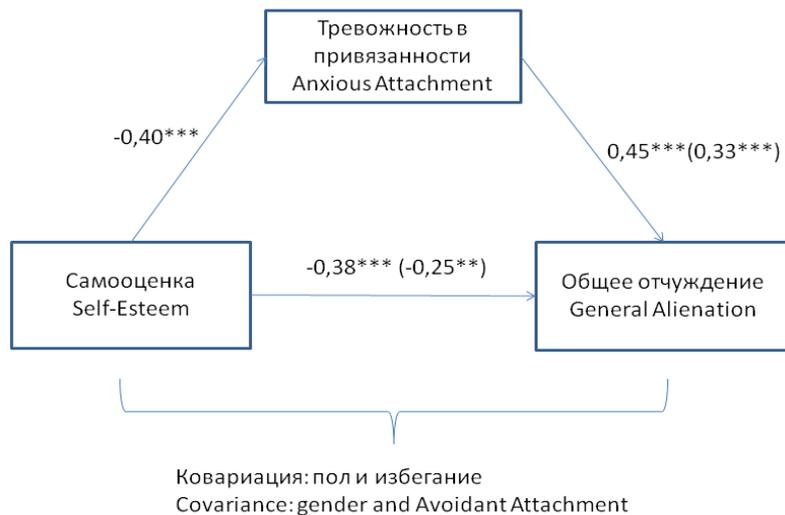
As the Anxious and Avoidant Attachment variables correlate significantly with each other ( $r= .55$ ,  $p< .001$ ), we computed partial correlations for them. Partial correlation is a method, similar to regression analysis, when correlations between two variables (for example, Anxious Attachment and Self-Esteem) are computed, while taking into account the third variable (for example, Avoidant Attachment).

Thus, using the partial correlation method, we see that correlations of Anxious and Avoidant Attachment with other variables become more evident and differentiated. For example, the correlation of Anxious Attachment and Self-Esteem after controlling for Avoidant Attachment stays high, while the correlation between Avoidant Attachment and Self-Esteem after controlling for Anxious Attachment disappears. It's understandable, taking into account the previous research: anxious attachment is mostly due to negative self-image, while avoidant attachment is due to a negative image of the other [1, 3].

Avoidant Attachment, after controlling for Anxious Attachment, becomes connected to General Loneliness and Loneliness Dysphoria, which means that avoidant individuals are burdened by a lack of communication and trust. Anxious individuals, on the contrary, do not feel lonely, and the feeling of loneliness may even bring them relief (close to significant correlations with Solitude as a Resource and Positive Loneliness).

At the same time, people with avoidant romantic attachment are much less prone to feel alienation in activities and communications. As compared with their profile, individuals with anxious attachment experience quite a storm of negative feelings in different life spheres, all types of alienation are characteristic for them: they don't see the meaning in relationships and activities (Vegetativeness), they don't believe in their ability to influence the outcomes of situations, which are important for them (Powerlessness), they have destructive attitudes towards life (Nihilism), and seek for extreme sensations in risky behavior (Adventurousness).

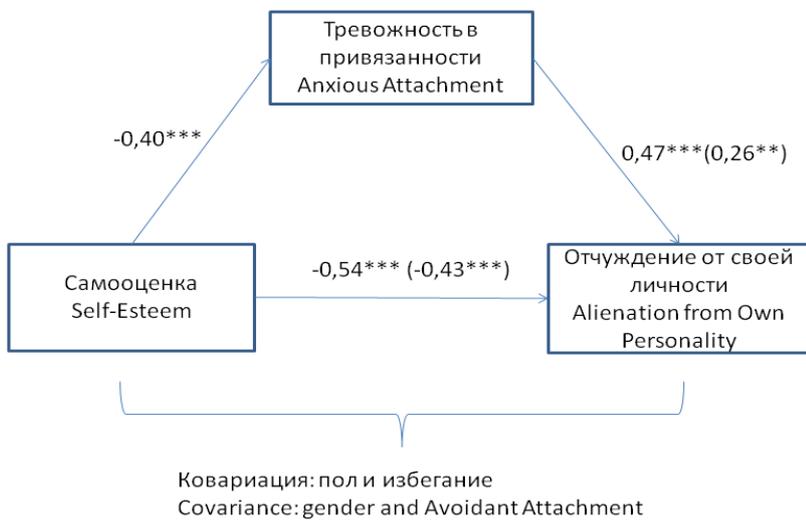
We supposed then, that low Self-Esteem lies in the basis of General Alienation, Alienation in Personality, in Relationships, Vegetativeness and Powerlessness, which is partially or completely mediated by Anxious Attachment. When someone is thinking they are insufficiently good, it promotes their uncertainty in close relationships, which in its turn leads to alienation in activities and communications. We checked the corresponding mediation models, controlling the interactions by the variables of gender and Avoidant Attachment (Fig. 1-5).



Тест Собела значим / Sobel's test is significant: -3,15, p=0,002.  
Условные обозначения / Notes: \*\*\* p<0,001, \*\* p<0,01.

Фигура 1  
Модель частичного опосредования взаимосвязи самооценки и общего отчуждения тревожными проявлениями привязанности (с учетом пола и избегающих проявлений), показаны стандартизированные коэффициенты.

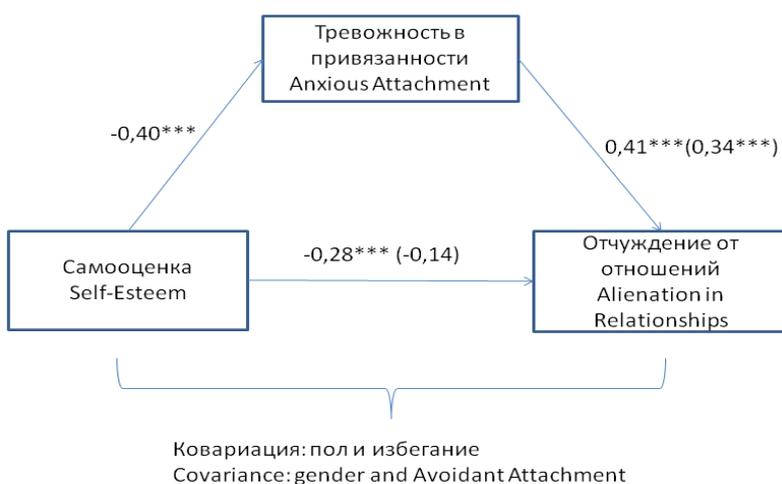
Figure 1  
The model of partial mediation of Self-Esteem on General Alienation by Anxious Attachment (accounting for gender and Avoidant Attachment), standardized coefficients



Тест Собела значим / Sobel's test is significant: -2,73, p=0,006.  
Условные обозначения / Notes: \*\*\* p < 0,001, \*\* p<0,01

Фигура 2  
Модель частичного опосредования взаимосвязи самооценки и отчуждения от своей личности тревожными проявлениями привязанности (с учётом пола и избегающих проявлений), показаны стандартизированные коэффициенты

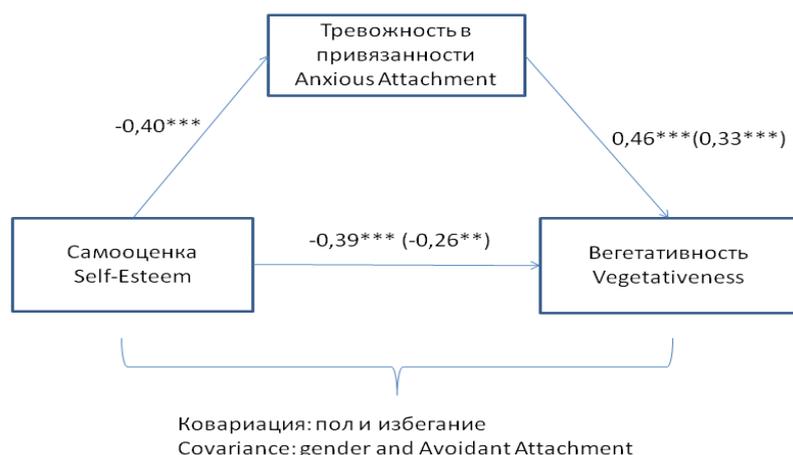
Figure 2  
The model of partial mediation of Self-Esteem on Alienation in Personality by Anxious Attachment (accounting for gender and Avoidant Attachment), standardized coefficients



Тест Собела значим / Sobel's test is significant: -3,16, p=0,002.  
Условные обозначения / Notes: \*\*\* p<0,001.

Фигура 3  
Модель полного опосредования взаимосвязи самооценки и отчуждения от отношений тревожными проявлениями привязанности (с учетом пола и избегающих проявлений), показаны стандартизированные коэффициенты

Figure 3  
The model of full mediation of Self-Esteem on Alienation in Relationships by Anxious Attachment (accounting for gender and Avoidant Attachment), standardized coefficients



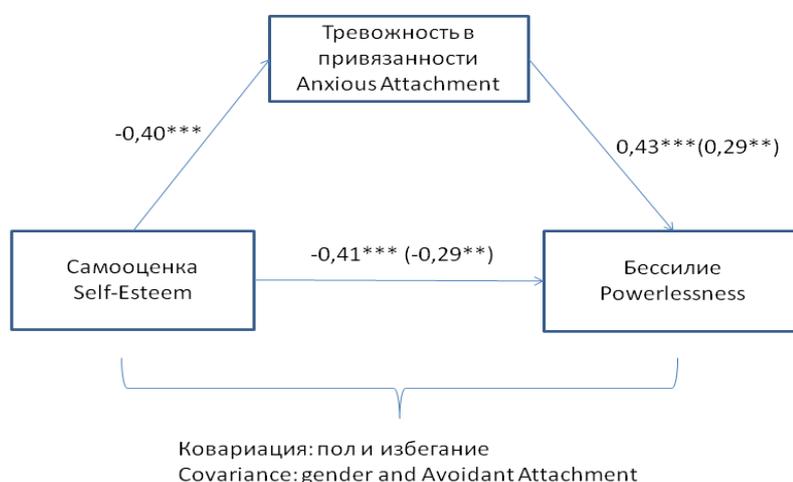
Фигура 4

Модель частичного опосредования взаимосвязи самооценки и вегетативности тревожными проявлениями привязанности (с учетом пола и избегающих проявлений), показаны стандартизированные коэффициенты

Figure 4

The model of partial mediation of Self-Esteem on Vegetativeness by Anxious Attachment (accounting for gender and Avoidant Attachment), standardized coefficients

Тест Собела значим / Sobel's test is significant: -3,35, p<0,001.  
Условные обозначения / Notes: \*\*\* p<0,001, \*\* p<0,01.



Фигура 5

Модель частичного опосредования взаимосвязи самооценки и бессилия тревожными проявлениями привязанности (с учётом пола и избегающих проявлений), показаны стандартизированные коэффициенты

Figure 5

The model of partial mediation of Self-Esteem on Powerlessness by Anxious Attachment (accounting for gender and Avoidant Attachment), standardized coefficients

Тест Собела значим / Sobel's test is significant: - 2,74, p=0,006.  
Условные обозначения / Notes: \*\*\* p<0,001, \*\* p<0,01.

Мы обнаружили полную медиацию в третьей модели (Фиг. 3): влияние самооценки на отчуждение от отношений полностью объясняется тревожными проявлениями привязанности, в остальных случаях наблюдалась частичная медиация.

*Анализ выборки суицидентов*

Что касается суицидологической выборки, значимые взаимодействия наблюдались между переменными НСП (несуицидальные самоповреждения) × пол пациентов: среди людей с НСП было значимо больше женщин ( $\chi^2=5,762, p=0,016$ ), при этом больше женщин, чем мужчин, имело пару ( $\chi^2=4,302, p = 0,038$ ) и занятость ( $\chi^2=5,456, p=0,019$ ). НСП также было значимо связано с наличием пары: люди без пары были менее склонны к самоповреждениям ( $\chi^2=6,508, p=0,011$ ). Однако различий внутри данной выборки между группами с НСП и без НСП, а также между группами с суицидальными попытками и без них для шкал Краткого переработанного опросника «Опыт близких отношений» выявлено не было.

We've found full mediation in the third model (Fig. 3): the influence of Self-Esteem on Alienation in Relationships was fully explained by Anxious Attachment style, in other cases partial mediation was established.

*Analysis of the comparative sample*

Concerning the comparative, suicidological sample, significant interactions were found between the variables of NSSI × gender: there were significantly more women among patients with NSSI ( $\chi^2=5,762, p= .016$ ), while more women, than men were in romantic relationships ( $\chi^2=4,302, p= .038$ ) and had an occupation (studied or worked) ( $\chi^2=5,456, p=.019$ ). NSSI was also significantly linked to being in relationships: people without a mate were less prone to NSSI ( $\chi^2=6,508, p= .011$ ). But there was no interactions between the subscales of ECR-R (Anxious and Avoidant Attachment) and absence or presence of NSSI or suicide attempts.

Таблица / Table 2

Парные и частичные корреляции шкал Краткой версии «Переработанного опросника – Опыт близких отношений» со шкалами опросников «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки», «Сочувствие к себе», шкалами «Негативного прошлого», «Позитивного прошлого» и «Душевной боли», суицидологическая выборка (n=110) / Pair and partial correlations of the subscales of Experience in Close Relationships – Revised SF and the subscales of Multidimensional Scale of Perceived Social Support, Self-Compassion Scale, Past Negative, Past Positive and Psychache Scale, suicidal sample (n=110)

Показатель Indicator	Тревож- ность Anxious Attachment	Частичная корреляция Тревожность Partial Correlation, Anxious Attachment	Избегание Avoidant Attachment	Частичная корреляция Избегание Partial Correlation, Avoidant Attachment	M±SD
Поддержка семьи Family Support	-0,07	-0,06	-0,15	-0,15	4,12±1,66
Поддержка друзей Friends Support	-0,02	-0,01	-0,09	-0,09	4,23±2,11
Поддержка значимого другого Support by a Significant Other	-0,05	-0,03	-0,24*	-0,23*	4,28±1,43
Доброта к себе Self-Kindness	0,01	0,02	-0,09	-0,09	2,04±0,76
Самокритика Self-Criticism	0,11	0,10	0,02	0,01	3,92±0,76
Общность с человечеством Common Humanity	-0,04	-0,03	-0,07	-0,07	2,20±0,77
Изоляция Self-Isolation	0,25**	0,25**	0,001	-0,02	3,85±0,83
Внимательность Mindfulness	-0,02	-0,03	0,08	0,08	2,61±0,82
Чрезмерная идентификация Over-Identification	0,25**	0,26**	-0,04	-0,06	4,23±0,70
Сочувствие к себе Self-Compassion	-0,16	-0,16	-0,02	-0,01	2,13±0,50
Негативное прошлое Past Negative	0,37***	0,37***	-0,01	-0,04	3,64±0,65
Позитивное прошлое Past Positive	0,002	0,02	-0,16†	-0,16†	2,88±0,83
Адаптивный перфекционизм Adaptive Perfectionism	0,04	0,03	0,11	0,11	4,55±1,20
Деадаптивный перфекционизм Maladaptive Perfectionism	0,16	0,14	0,18†	0,17†	5,46±1,01
Душевная боль Psychache	0,17†	0,14	0,29**	0,28**	3,58±0,78
M±SD	4,28±1,43		3,24±1,38		

Примечание / Note: \*\*\* p <0,001, \*\* p <0,01, \* p<0,05, †<0,10

Сравнив контрольную выборку с суицидологической, мы обнаружили, что группы значительно различаются по шкале «тревожность»:  $t(252) = -6,115, p < 0,001, CI (-1,36; -0,70), d$  Коэна = 0,767 (для суицидологической выборки  $M = 4,28, SD = 1,43$ ), по шкале «избегание» различия были пограничными:  $t(252) = -1,776, p = 0,077, CI (-0,59; 0,03), d$  Коэна = 0,228 (для суицидологической выборки  $M = 3,24, SD = 1,37$ ). Более того, шкалы «тревожности» и «избегания» не коррелировали между собой ( $r = 0,10, p = 0,316$ ), то есть суициденты были более

By comparing the control and the suicidal samples, we've found that the groups differed significantly in Anxious Attachment:  $t(252) = -6.115, p < .001, CI (-1.36; -.70), Cohen's d = .767$  (for the suicidal,  $M = 4.28, SD = 1.43$ ), while in Avoidant Attachment the difference was borderline significant:  $t(252) = -1.776, p = .077, CI (-.59; .03), Cohen's d = .228$  (for the suicidal,  $M = 3.24, SD = 1.37$ ). Moreover, Anxious and Avoidant Attachment subscales did not correlate with

склонны либо к тревожности, либо к избеганию в привязанности, но не к смешению стилей. Кроме того, в суицидологической выборке выявились значимые связи между шкалами избегания и тревожности в привязанности с факторами уязвимости и защиты (Табл. 2).

Как видно из Табл. 2, метод частичных корреляций практически не добавляет значимой информации для анализа данной выборки. Это происходит потому, что в выборке суицидентов переменные «Тревожность» и «Избегание» не коррелируют между собой. При этом выявляется два разных портрета суицидента: «тревожный», склонный к повышенной негативной эмоциональности (корреляция с субшкалами «Изоляция» и «Чрезмерная идентификация» опросника «Сочувствие к себе»), с оценкой своего прошлого как травмирующего, несущего отрицательный опыт; и «избегающий», отрицающий поддержку (или само наличие) значимого близкого, испытывающий сильную душевную боль, при этом склонный на уровне тенденции к дезадаптивному перфекционизму и отрицающему прошлый позитивный опыт (погранично значимые корреляции).

#### Обсуждение

Данное исследование показало потенциальную проблематичность тревожных и избегающих проявлений привязанности как в выборке нормы, так и для суицидальных пациентов. Хотя люди с избеганием в привязанности менее склонны переживать отчуждение в разных сферах жизни и испытывать трудности с самооценкой, преобладание избегающих проявлений значимо связано с внутренним ощущением одиночества и дисфорией по этому поводу, что потенциально может приводить к острому переживанию душевной боли, которая является фактором суицидального риска.

Люди, которым свойственна тревожность в привязанности, напротив, могут даже воспринимать одиночество как благо, ресурс – предположительно, для них это возможность отвлечься и отдохнуть от эмоционально перегруженных отношений. При этом тревожные проявления значимо высоко связаны низкой самооценкой и отчуждением в разных сферах жизни, особенно в отношениях и касательно собственной личности, а также со всеми четырьмя формами отчуждения, особенно с «вегетативностью» (ощущением бессмысленности) и «бессилием» (ощущением невозможности изменить значимые ситуации).

Проверка медиационных моделей показала, что вклад сниженной самооценки в переживание самых значимых форм и видов отчуждения частично (а в случае отчуждения от отношений, полностью) опосредуется тревожными проявлениями привязанности, и этот эффект сохраняется при контроле переменных пола и избегания в привязанности. Это говорит о потенциальной опасности тревожного стиля привязанности, ведь

each other ( $r = .10$ ,  $p = .316$ ), which means that suicidal patients were either anxious or avoidant in their attachment relationships, and didn't mix these styles. Besides, there were significant correlations between the Anxious and Avoidant Anxiety subscales, and protective and risk factors (Table 2).

As seen from the Table 2, the method of partial correlations does not virtually add any significant information for the analysis of the comparative sample. This is precisely because in the sample of suicidal patients the variables of Anxious and Avoidant Attachment do not correlate with each other. Therewith, two distinct "portraits" of suicidal patients appear: an anxious type, prone to heightened negative emotionality (correlations with the subscales of Self-Isolation and Over-Identification from the Self-Compassion Scale), who estimates their own past as traumatic, bearing negative experience; and an avoidant type, who denies the support (or presence) of a significant other, experiences intense psychache, prone (as a tendency) to maladaptive perfectionism and denies past positive experiences (borderline significant correlations).

#### Discussion

The current study showed a potentially problematic nature of anxious and avoidant adult romantic attachment both in the normative and in the suicidal samples. Though people with avoidant attachment are less prone to experience alienation in various spheres of life and have low self-esteem, the prevalence of avoidant manifestations is significantly linked to the feeling of loneliness and subsequent dysphoria, which potentially may lead to psychache, a factor of suicidal risk.

People with anxious attachment, on the contrary, may even perceive loneliness as some benefit, as a resource, supposedly, for them it gives a possibility to distract themselves and to take a break from emotionally overloaded relationships. Along with that, anxious attachment is significantly linked to alienation in different spheres of life, especially in relationships and in personality, as well as with all four forms of alienation, and especially with vegetativeness (meaninglessness) and powerlessness (inability to change significant situations).

Mediation analysis showed that the contribution of low self-esteem in experiencing all the relevant forms and types of alienation is partially (and in the case of alienation in relationships, fully) mediated by anxious attachment style, and this effect persists while controlling for gender and avoidant attachment. This speaks for the potential danger of the

отчуждение, ощущение, что человек проживает «не свою жизнь», что он не полностью воплощен и реализован, что его отношения «ненастоящие» - важный компонент суицидальных переживаний.

Возможно, поэтому повышение показателя тревожности в привязанности особенно свойственно пациентам с суицидальными тенденциями. Можно предположить, что проблемы с самооценкой и отчуждением также заостряются в суицидальном кризисе – эта гипотеза требует дальнейшей проверки.

В данной возрастной выборке нам не удалось выявить различий в подгруппах (у пациентов с НСП и без них, с суицидальными попытками и без них), кроме анализа таблиц сопряженности, что НСП больше свойственно людям, имеющим романтического партнера. Последнее косвенно может говорить об эмоциональной перегруженности отношений привязанности у людей с НСП. Эти отношения не обязательно сугубо негативны и травматичны – исследования показывают, что люди, практикующие НСП, значительно чаще обращаются к своим романтическим партнерам за эмоциональной поддержкой, меньше уделяя внимание другим связям (с родителями и друзьями) [41].

Однако избегание в привязанности также свойственно суицидальным пациентам и является проблемной стратегией. Если тревожные в привязанности суициденты более склонны к повышенной негативной эмоциональности, эмоциональной дисрегуляции, то избегающие, будучи недовольны близкими отношениями, испытывают душевную боль и скорее могут реагировать уходом в деятельность, в которой проявляют повышенную критичность к себе (дезадаптивный перфекционизм), а также отрицать прошлый позитивный опыт. Такие различия соответствуют теории романтической привязанности [1] и нашим гипотезам. Они показывают, что обе эти стратегии разными путями ведут к одному поведенческому исходу, а потому их следует учитывать в оценке суицидального пациента. В расширенной суицидологической выборке (возраст 16-48 лет) обнаружилось, что в НСП значимый вклад также вносят переменные «поддержка значимого другого» и «избегание в привязанности» [42]. Таким образом, недостаток доверия в отношениях, модель негативного образа другого тоже может способствовать суицидоопасному поведению.

#### Выводы

С методологической точки зрения, данное исследование показало конструктивную валидность краткой версии «Переработанного опросника – Опыт близких отношений». Мы видим, что в нормативной выборке тревожность в привязанности больше связана с конструктами самооценки и отчуждения, что соответствует негативной модели себя. Люди с избегающей стратеги-

anxious style of attachment, as alienation, a feeling that one lives “someone else’s life”, that one is not fully impersonated and realized, that one’s relationships are “fake”, is an important component of suicidal experience.

Probably this is the reason why the heightened anxious attachment scores are more characteristic of patients with suicidal tendencies. Supposedly, problems with self-esteem and alienation are also accentuated in a suicidal crisis, but this hypothesis needs further study.

In our age sample we didn’t find the differences in the subgroups (in patients with and without NSSI or suicide attempts), apart from the fact that NSSI was more characteristic of people, who’s got a romantic partner. The latter may indirectly point to the emotional overload of the attachment relationships in people with NSSI. These relationships do not necessarily purely negative or traumatic, - studies show that people who practice NSSI significantly more often ask their romantic partners for emotional support, while utilizing other connections (with parents or friends) less [41].

But avoidant attachment is also characteristic of suicidal patients as a problematic strategy. While suicidal people with anxious attachment are more prone to heightened negative emotionality, emotional dysregulation, suicidals with avoidant attachment, being unsatisfied with their close relationships, experience psychache and are more prone to escape into activities where they exercise increased self-criticism (maladaptive perfectionism) and deny past positive experience. Such differences correspond to the theory of romantic attachment [1] and our hypotheses. They show that both these attachment styles may lead to one behavioral outcome, and they need to be accounted for in assessment of suicidal patients. In a broader suicidological sample (people aged 16-48) it was found that an important contribution into NSSI behavior was made by the variables of Perceived Support by a Significant Other and Avoidant Attachment [42]. Thus, a lack of trust in a relationship and the model of negative image of the other also may facilitate suicidal behavior.

#### Conclusions

From a methodological point of view, this study confirmed construct validity of the Experience in Close Relationships – Revised Short Form scale. We see that in the normative sample anxious attachment is more linked to self-esteem and alienation, which corresponds to the negative model of the self. People with avoidant attachment style are more prone to

ей привязанности более склонны испытывать одиночество (предположительно, вследствие негативной модели других), и, хотя переживание отчуждения в разных сферах жизни также им свойственно, оно проявляется в меньшей степени и не зависит от самооценки.

Исследование суицидальных пациентов показало, что им свойственна гораздо более высокая тревожность в привязанности, однако корреляционный анализ обнаружил, что оба стиля отношений, и тревожный, и избегающий, являются потенциально опасными. Тревожные пациенты склонны к повышенной негативной эмоциональности, а избегающие отмечают отсутствие поддержки со стороны значимого близкого человека и испытывают душевную боль.

Результаты исследования важны для понимания психологических механизмов тревожности и избегания в привязанности, их взаимодействия с переживаниями одиночества и отчуждения, а также для раскрытия их потенциального суицидоопасного компонента.

feel lonely (supposedly, because of the negative model of the others) and, though they also know the experience of alienation in various spheres of life, it is manifested to a lesser degree and is not dependent on self-esteem.

The study of suicidal patients showed that anxious attachment is more characteristic of them, but the correlation analysis revealed that both styles of attachment, anxious and avoidant, are potentially dangerous. Patients with anxious attachment are prone to negative emotionality, while avoidant patients note lack of support from a significant other and experience psychache.

The results of this study is important for understanding of psychological mechanisms of anxious and avoidant attachment, their interaction with experience of loneliness and alienation, and for detection of their potential suicidal risk.

Литература / References:

1. Mikulincer M., Shaver P. *Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change*. N.Y.: Guilford Press. 2010. 578 p.
2. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Чубина С.А., Озол С.Н., Дровосеков С.Э. Адаптация краткой версии «Переработанного опросника – опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*. 2018; 39 (5): 87-98. [Chistopolskaya K.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Chubina S.A., Ozol S.N., Drovosekov S.E. Adaptation on a Russian sample of the Experience in Close Relationships – Revised questionnaire. *Psychological Journal*. 2018; 39 (5): 87-98.]. DOI: 10.31857/S020595920000838-7. (In Russ)
3. Bartholomew K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective. *Journal of Social and Personal Relationships* 1990; 7 (2): 147–178. DOI: 10.1177/0265407590072001
4. Green J., Berry K., Danquah A., Pratt D. The role of psychological and social factors in the relationship between attachment and suicide: A systematic review. *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2020; 27 (4): 463-488. DOI: 10.1002/cpp.2445
5. Zortea T.C., Dickson A., Gray C.M., O'Connor R.C. Associations between experiences of disrupted attachments and suicidal thoughts and behaviours: An interpretative phenomenological analysis. *Social Science & Medicine*. 2019; 235: 112408. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.112408
6. Zortea T.C., Gray C.M., O'Connor R.C. Perceptions of past parenting and adult attachment as vulnerability factors for suicidal ideation in the context of Integrated Motivational-Volitional Model of suicidal behavior. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2020; 50 (2): 515–533. DOI: 10.1111/sltb.12606
7. Adam K.S. Suicidal behavior and attachment: A developmental model / In Sperling M.B., Berman W.H. (eds.) / *Attachment in adults: Clinical and developmental perspectives*. New York, NY: Guilford Press. 1994. Pp. 275–298.
8. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф. *Культурно-историческая психология*. 2020; 16 (4): 35-48. [Chistopolskaya K.A., Osin E.N., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Mysina G.A., Drovosekov S.E. The concept of self-compassion: a Russian adaptation of the Self-Compassion Scale by Kristin Neff. *Cultural-Historical Psychology*. 2020; 16 (4): 35-48] DOI: 10.17759/chp.2020160404 (In Russ / Engl)
9. O'Connor R.C., Kirtley O.J. The integrated motivational-volitional model of suicidal behavior. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2018; 373 (1): 1754. DOI: 10.1098/rstb.2017.0268
10. Zortea T.C., Gray C.M., O'Connor R.C. The relationship between adult attachment and suicidal thoughts and behaviors: A Systematic review. *Archives of Suicide Research*. 2019. DOI: 10.1080/13811118.2019.1661893
11. Galynker I. *The suicidal crisis: Clinical guide to the assessment of imminent suicide risk*. New York, NY: Oxford University Press, 2017. 328 p.
12. Чистопольская К.А., Rogers M.L., Cao E., Галынкер И., Richards J., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Садовнича В.С., Дровосеков С.Э. Адаптация «Опросника суицидального нарратива» на российской выборке. *Суицидология*. 2020; 11 (4): 76-90. [Chistopolskaya K.A., Rogers M.L., Cao E., Galynker I., Richards J., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Sadovnichaya V.S., Drovosekov S.E. Adaptation of the Suicidal Narrative Inventory in a Russian sample. *Suicidology*. 2020; 11 (4): 76-90]. doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-76-90 (In Russ / Engl)
13. Mikulincer M., Lifshin U., Shaver P.R. Toward an anxiety-buffer disruption approach to depression: Attachment anxiety and worldview threat heighten death-thought accessibility and depression-related feelings. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2020; 39 (4): 238–273. DOI: 10.1521/jscp.2020.39.4.238
14. Schmitt D.P., Allik J. Simultaneous administration of the Rosenberg Self-Esteem Scale in 53 nations: Exploring the universal and culture-specific features of global self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005; 89: 623–642. DOI: 10.1037/0022-3514.89.4.623
15. Hart J., Shaver P.R., Goldenberg J.L. Attachment, self-esteem, worldviews, and terror management: Evidence for a tripartite security system. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005; 88: 999-1013. DOI: 10.1037/0022-3514.88.6.999
16. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Теория управления страхом смерти: основы, критика и развитие. *Вопросы психологии*. 2014; 2: 125–142. [Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. The theory of controlling the fear of death: Foundations, criticism, development. *Questions of psychology*. 2014; 2: 125-145.]. (In Russ)
17. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Чубина С.А. Специфика отношений к жизни и смерти у пациентов в остром постсуициде и у врачей-психиатров. *Суицидология*. 2019; 10 (2): 56-71. [Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Chubina S.A. Specifics of life and death attitudes in patients in

- acute post-suicide and psychiatrists. *Suicidology*. 2019; 10 (2): 56-71.]. DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-02(35)-56-71 (In Russ)
18. Adams G.C., Wrath A.J., Meng X. The relationship between adult attachment and mental health care utilization: A systematic review. *The Canadian Journal of Psychiatry*. 2018; 63: 651–660. DOI: 10.1177/0706743718779933
  19. Adams G.C., McWilliams L.A., Wrath A.J., Adams S., De Souza D. Relationships between patients' attachment characteristics and views and use of psychiatric treatment. *Psychiatry Research*. 2017; 256: 194–201. DOI: 10.1016/j.psychres.2017.06.050
  20. Maunder R.G., Hunter J.J. Can patients be "attached" to health-care providers? An observational study to measure attachment phenomena in patient-provider relationships. *BMJ Open*. 2016; 6 (5): e011068. DOI: 10.1136/bmjopen-2016-011068
  21. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2009; 4: 17-31. [Burmenskaya G.V. Attachment of a child to their mother as the basis of developmental typology. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2009; 4: 17-31] (In Russ)
  22. Падун М.А. Тип привязанности и угрозы безопасности в супружеских отношениях. *Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология*. 2017; 2 (3): 96-115. [Padun M.A. Attachment style and threats to safety in marital relationships. *Institute of Psychology RAS. Social and economic psychology*. 2017; 2 (3): 96-115.] (In Russ)
  23. Гарвард О.О., Сабельникова Н.В. Привязанность к романтическому партнеру юношей и девушек с разными особенностями взаимоотношений с родителями. *Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета*. 2017; 1: 27-35. [Garvard O.O., Sabelnikova N.V. Attachment to a romantic partner of young people with different peculiarities of relationships with parents. *Herald of psychology and education of Altai State University*. 2017; 1: 27-35.] (In Russ)
  24. Амбрумова А.Г., Калашникова О.Э. Психологические аспекты одиночества. *Социальная и клиническая психиатрия*. 1996; 6 (3): 53-63. [Ambrumova A.G., Kalashnikova O.E. Psychological aspects of loneliness. *Social and Clinical Psychiatry*. 1996; 6 (3): 53-63.] (In Russ)
  25. Rosenberg M. *Society and the adolescent self-image*. Princeton, NJ, 1965. 340 p.
  26. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2020; 2: 52-57. [Zolotareva A.A. Validity and reliability of the Russian version of the Rosenberg Self-Esteem Scale. *Herald of Omsk University. Series Psychology*. 2020; 2: 52-57.] DOI: 10.24147/2410-6364.2020.2.52-57 (In Russ)
  27. Fraley R.C., Waller N.G., Brennan K.A. An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment. *Journal of personality and social psychology*. 2000; 78: 350–365. DOI: 10.1037/0022-3514.78.2.350
  28. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013; 10 (1): 55-81. [Osин E.N., Leontiev D.A. Multidimensional Inventory of Loneliness Experience. Structure and Properties. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2013; 10 (1): 55-81.] (In Russ)
  29. Осин Е.Н. Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды. *Психологическая наука и образование*. 2015; 20 (4): 57–74. [Osин E.N. Alienation from study as a predictor of burnout in university students: The role of educational environment characteristics. *Psychological Science and Education*. 2015; 20 (4): 57-74.] DOI: 10.17759/pse.2015200406 (In Russ)
  30. Maddi S.R., Kobasa S.C., Hoover M. *The Alienation Test: A Structured Measure of a Multidimensional Subjective State*. Unpublished Manual. University of Chicago, 1980. 30 p.
  31. Zimet G.D., Dahlem N.W., Zimet S.G., Farley G.K. The Multidimensional Scale of Perceived Social Support. *Journal of Personality Assessment*. 1988; 52: 30-41. DOI: 10.1207/s15327752jpa5201\_2
  32. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки. *Высшее образование в условиях глобализации: Тренды и перспективы развития. Мат. XII Международной учебно-методической онлайн-конференции*. / Под ред. А.Ю. Александрова, Е.Л. Николаева. 2020. С. 323-326. [Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Mysina G.A., Drovosekov S.E. A new Russian version of the MSPSS as an instrument for study of subjective evaluation of perceived social support. *Higher education in globalization: Trends and perspectives of development. Proceedings of the XII International educational and methodological online conference* / Ed. by A.Yu. Alexandrov, E.L. Nikolaev. 2020. P. 323-326.] (In Russ)
  33. Neff K. The development and validation of a scale to measure self-compassion. *Self and Identity*. 2003; 2 (2): 223-250. DOI: 10.1080/15298860309027
  34. Zimbardo P., Boyd J. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of personality and social psychology*. 1999; 77: 1271-1288. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1271
  35. Сырцова А., Митина О.В. Возрастная динамика временных ориентаций личности. *Вопросы психологии*. 2008; 2: 41–54. [Sircova A., Mitina O.V. Age dynamics of temporal orientations of personality. *Questions of psychology*. 2008; 2: 41-54.] (In Russ)
  36. Slaney R.B., Rice K.G., Ashby J.S. A programmatic approach to measuring perfectionism: The Almost Perfect Scales. In G.L. Flett & P.L. Hewitt (Eds.), *Perfectionism: Theory, research, and treatment* American Psychological Association. 2002, 63–88. DOI: 10.1037/10458-003
  37. Ясная В.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Зурабова А.М. Апробация методики измерения перфекционизма Р. Слейни «Почти совершенная шкала». *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2011; 4: 30-45. [Yasnaya V.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N., Zurabova A.M. Testing methods for measuring perfectionism P. Slaney "Almost Perfect Scale". *Theoretical and experimental psychology*. 2011; 4: 30-45.] (In Russ)
  38. Holden R.R., Mehta K., Cunningham E.J., McLeod L.D. Development and preliminary validation of a scale of psychache. *Canadian Journal of Behavioral Science*. 2001; 33: 224–232. DOI: 10.1037/h0087144
  39. Чистопольская К.А., Журавлева Т.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л. Адаптация методик исследования суицидальных аспектов личности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2017; 14: 61-87. [Chistopolskaya K.A., Zhuravleva T.V., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L. Adaptation of diagnostic instruments for suicidal aspects of personality. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2017; 14: 61-87]. DOI: 10.17323/1813-8918.2017.1.61.87 (In Russ)
  40. Шнейдман Э. *Душа самоубийцы*. М.: Смысл, 2001. 315 с. [Shneidman E. *Suicidal Mind*. Moscow: Smysl, 2001. 315 p.] (In Russ)
  41. Turner B.J., Wakefield M.A., Gratz K.L., Chapman A.L., Characterizing interpersonal difficulties among young adults who engage in nonsuicidal self-injury using a daily diary. *Behavior Therapy*. 2017; 48: 363-379. DOI: 10.1016/j.beth.2016.07.001
  42. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Особенности молодых людей с самоповреждениями и предшествующими попытками в остром суицидальном кризисе. *Суицидология*. 2019; 10 (4): 47-64. [Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. Characteristics of young people in acute suicidal crisis with and without non-suicidal self-harm and suicide attempts. *Suicidology*. 2019; 10 (4): 47-64]. DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-47-64 (In Russ)

## ADULT ROMANTIC ATTACHMENT IN YOUNG PEOPLE IN SUICIDAL AND NON-SUICIDAL STATES

K.A. Chistopolskaya<sup>1</sup>,  
S.N. Enikolopov<sup>2</sup>,  
S.E. Drovosekov<sup>3</sup>

<sup>1</sup>Eramishantsev Moscow City Clinical Hospital, Moscow, Russia; ktchist@gmail.com  
<sup>2</sup>Mental Health Research Centre, Moscow, Russia; enikolopov@mail.ru  
<sup>3</sup>Center of psychological, pedagogical, medical help, Vsevolozhsk, Russia; sergo.nevsky@yandex.ru

### Abstract:

Adult romantic attachment is a development of the child-parent attachment system, which makes an important input to the experience of psychological well-being. On the contrary, an impairment of attachment system in childhood or in adulthood may become a vulnerability factor and contribute to the development of suicidal tendencies. *Study objective:* construct validity testing of the Russian version of the Experience in Close Relationship – Revised Short Form (ECR-R SF) scale in a normative sample, and comparison of the normative and suicidal samples, in order to specify the problematic elements of attachment system. *Participants:* Control group: 144 students, aged 17-36 (M = 20.11, SD = 2.82), 112 females, 32 males. Comparison group: 110 suicidal patients, aged 16-25 (M = 20.32, SD = 2.37), 80 females, 30 males. *Instruments:* The control group, apart from the ECR-R SF, filled in Rosenberg's Self-Esteem Scale, Multidimensional Inventory of Loneliness Experience and Subjective Alienation Questionnaire for Students. The comparison group filled in Self-Compassion Scale, Multidimensional Scale of Perceived Social Support, Past Positive and Past Negative subscales from Zimbardo Time-Perspective Inventory, as well as Almost Perfect Scale and Psychache Scale. *Results:* The control group showed significant correlations between anxious attachment, self-esteem and alienation, which manifested both in partial correlations ( $r = -.44, p < .001$  – self-esteem,  $r = .43, p < .001$  – general alienation), and in mediation models. Avoidant attachment correlated with loneliness ( $r = .26, p < .01$ ) and, to a lesser degree, with alienation ( $r = .22, p < .01$ ). The comparison group showed a higher level of anxious adult romantic attachment ( $t(252) = -6.115, p < .001, CI (-1.36; -.70)$ , Cohen's  $d = .767$ ). But the correlation analysis in the suicidal group revealed that both anxious and avoidant attachment demonstrate significant relations with protective and risk factors. Anxious style was linked to negative emotionality (Self-Isolation and Over-Identification subscales,  $r = .25, p < .01$ , and Past Negative,  $r = .37, p < .001$ ). Avoidant style correlated with Perceived Social Support from Significant Other ( $r = -.23, p < .05$ ) and Psychache Scale ( $r = .28, p < .01$ ). *Conclusion:* The construct validity of the scale was confirmed, it was shown that anxiety in romantic attachment in young people is manifested due to the negative model of the self (low self-esteem) and is revealed in alienation from various spheres of life. As expected, avoidant attachment coincided with a lesser psychological ill-being, which is probably due to the negative model of the others. In suicidal patients anxious attachment was expressed more acutely and correlated with negative emotionality, though avoidant attachment was also linked to the factors of suicidal risk. This allows us to specify two types of suicidality, which are based on dissatisfaction with the self (anxious type) and with the others (avoidant type).

*Keywords:* attachment, anxious style, avoidant style, self-esteem, loneliness, alienation, suicidality

### Вклад авторов:

К.А. Чистопольская: дизайн исследования, сбор данных, написание текста и редактирование статьи, перевод;  
С.Н. Ениколопов: дизайн исследования, написание текста и редактирование статьи;  
С.Е. Дровосеков: сбор данных, написание текста и редактирование статьи;

### Authors' contributions:

K.A. Chistopolskaya: study design, data collection, article writing, article editing, translation editing;  
S.N. Enikolopov: study design, article writing, article editing;  
S.E. Drovosekov: data collection, article writing, article editing.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 19.01.2021. Принята к публикации / Accepted for publication: 24.04.2021.

Для цитирования: Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Дровосеков С.Э. Взрослая романтическая привязанность у молодых людей в повседневности и при суицидальных переживаниях. *Суицидология*. 2021; 12 (1): 109-125. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-01(42)-109-125

For citation: Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Drovosekov S.E. Adult romantic attachment in young people in suicidal and non-suicidal states. *Suicidology*. 2021; 12 (1): 109-125. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-01(42)-109-125 (In Russ / Engl)